

стр.4-5

№23 (104)
ИЮНЬ 2022

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ Бульвар НОВО

стр.14-16

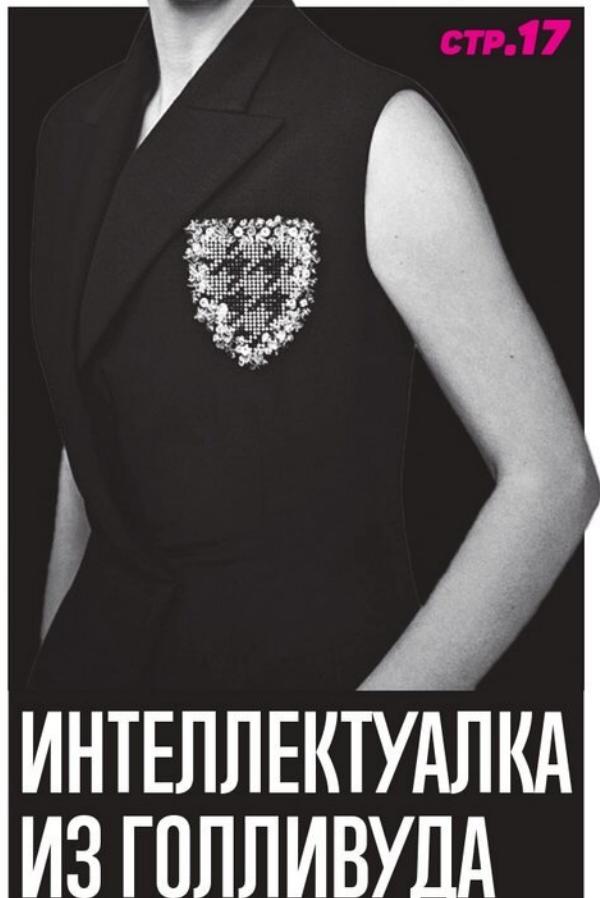
АВАНТЮРИСТЫ

стр.17

стр.10-11

САВЕЛИЙ КРАМАРОВ.
СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛКА
ИЗ ГОЛЛИВУДА

АВАНТЮРИСТЫ

Дуэлянты и мошенники, фальшивые императорские посланники и наследники престола. Эти любители рискованных приключений и сомнительных предприниманий, быстрых успехов и легкой выгоды, несомненно, оставили свой след в истории России XIX века.

Геннадий Норд

ФЕДОР ТОЛСТОЙ

Род Толстых был знатным, но довольно бедным. В XIX веке самым простым способом получить достойное положение в обществе стала военная служба. Поэтому двоюродного дяди Льва Толстого Федора Ивановича отдали в Морской кадетский корпус, расположавшийся в Кронштадте.

Толстой уже в детстве обладал незаурядной физической силой и довольно жестоким и взрывным характером. Учившийся с ним литературный критик Фаддей Булгарин писал:

«...человек эксцентрический, то есть имел особый характер, выходивший из обыкновенных светских форм, и во всем любил одни крайности. Все, что делали другие, он делал вдесятеро сильнее. Тогда было в моде молодечество, а граф Толстой довел его до отчаянности».

Молодые люди в те времена стремились слыть отчаянными, почти безумными храбрецами, и чем более опасные приключения они находили на свою голову, тем больше уважения заслуживали у друзей. Особым почетом пользовались дуэлянты. А Толстой, в совершенстве освоивший стрельбу и фехтование, был опасным соперником в поединках, к ко-

торым в начале XIX века приводила любая, даже самая незначительная ссора.

Впервые на дуэли Толстой поддался, когда ему было семнадцать лет, с офицером, отчитавшим его за нарушение дисциплины. За свою жизнь он провел более 70 поединков и убил 11 соперников.

В 1803 году после одной из таких дуэлей графу грозила тюрьма. Чтобы избежать незавидной части, он выдал себя за своего двоюродного брата — полного тезку и члена экипажа адмирала Ивана Крузенштерна — и пронес на один из кораблей, которые отправлялись в кругосветную экспедицию. Обман раскрылся, когда корабли «Нева» и «Надежда» были уже слишком далеко от берега. Тяга Толстого к алкоголю и карточным играм быстро подорвала дисциплину на судне. Но этим дело не ограничилось.

Из воспоминаний Марии Каменской, двоюродной племянницы Федора Толстого:

«На корабле Федор Иванович придумывал непозволительные шалости. Старичок корабельный священник был слаб на вино. Федор Иванович напоил его до сложения риз и, когда священник как мертвый лежал на палубе, привател его бороду сургучом к полу казенной печати, украденной у Крузенштерна. Притечали и сидел над ним; а когда священник проснулся и хотел

приподняться, Федор Иванович крикнул: «Лежи, не смей! Видишь, казенная печать!» Пришлося бороду подстричь под самый подбородок».

На корабль был необычный пассажир — орангутанг. Однажды, воспользовавшись отсутствием Крузенштерна, Толстой привел обезьяну в капитанскую каюту, открыл тетради с записями, положил сверху чистый лист бумаги и начал разрывать ее червилиами. Затем забрал лист и вышел из каюты. Орангутанг начал повторять его действия и уничтожил все записи Крузенштерна.

Какая из многочисленных выходок переполнила чашу терпения Крузенштерна, доподлинно неизвестно. Но все закончилось тем, что графа высадили на Алеутских островах.

Фаддей Булгарин писал:

«Толстой пробил некоторое время в Америке, обездил от скучи Алеутские острова, посетил дикие племена колоши, с которыми ходил на охоту, и возвратился через Петропавловский порт сухим путем в Россию».

С этих пор его прозвали Американцем. Дома он одевался по-алеутски, и стены его были увешаны оружием и орудиями дикарей, обитающих по соседству с нашими американскими колониями... Толстой рассказывал, что колоши предлагали ему быть их царем».

Выбравшись с островов Толстому удалось на неизвестном судне. На нем он

прибыл на Камчатку в начале 1805 года. Пешком, верхом, по воде и на собаках он продел огромный путь до Петербурга. В столицу он вернулся только спустя год — весь в татуировках.

Из записок мемуариста Филиппа Виеля:

«На одной из станций мы с удивлением увидели вошедшего к нам офицера в Преображенском мундире. Это был граф Ф.И.Толстой, доселе столь известный под именем Американца. Он делал путешествие вокруг света с Крузенштерном и Резановым, со всеми пересорился, всех пересорил и как опасный человек был высажен на берег в Камчатке и сухим путем возвращался в Петербург. Чего же не рассказывали...»

Федор Толстого дважды разжаловали в солдаты за дуэли, но он оба раза возвращал чин офицера. Несмотря на безбашенное поведение, а может, и благодаря ему, во время боевых действий он вел себя как настоящий герой. Находясь в ссылке в 1812 году, Толстой самовольно покинул свою деревню, чтобы присоединиться к рядовым в сражении на Бородинском поле.

В битве он был ранен и за проявленное мужество получил Георгиевский крест.

В 1826 году сорвалась дуэль Толстого с Александром Пушкиным. Когда поэта сослали на Кавказ, Толстой пустил слухи о том, что Пушкина якобы выпороли в охранном отделении. Узнав о клевете, поэт отреагировал едкой эпиграммой:

В жизни мрачной и презренной
Был он долго погружен,
Долго все концы вселенной
Осквернял раздроблен он.
Но, исправя понемногу,
Он загладил свой позор,
И теперь он — слава богу —
Только что картежный вор.

Доподлинно неизвестно, что Толстой ответил Пушкину, но, вероятно, что-то не менее едкое, поскольку сразу же из ссылки поэт попытался вызвать его на дуэль. Конфликт в итоге решился бескровно: Толстого просто не оказалось в нужное время в Москве. Постепенно их отношения наладились, и Толстой даже сватал за Пушкину Наталью Гончарову.

Авантурным был даже брак Толстого. Его избранницей стала цыганка Авдотья Тураева, солистка хора Английского клуба, завсегдатаем которого был граф. Проиграв очень крупную сумму, Толстой думал застрелиться, чтобы избежать позора, но Авдотья где-то достала необходимые деньги. Несмотря на неодобрение общественности, Федор обвенчался со спасительницей. Они прожили вместе 25 лет, у них родилось 12 детей, но 10 из них умерли в младенчестве, а одна дочь в возрасте 17 лет. Толстой считал, что так он расплатился за убийство 11 человек на дуэлях.

НИКОЛАЙ САВИН

«Возьмем, наконец, корнета Савина. Аферист выдающийся. Как говорится, негде пробы ставить. А что сделал бы он? Приехал бы к Корейко на квартиру под видом болгарского царя, насандалил бы в домоуправлении и испортил бы все дело».

Так самый знаменитый литературный авантюрист Остап Бендер из книги «Золотой теленок» отзывался о Николае Савине.

Отличить правду от вымысла в биографии Савина крайне сложно, поскольку все детали его жизни известны только его собственным слов.

Отцом Савина был зажиточный помещик Калужской губернии, предок которого участвовал в возведении на трон императрицы Елизаветы Петровны. Николай Савин получил хорошее домашнее образование и поступил в московский лицей Каткова. Оттуда он сбежал после наказания розгами и отправился в Петербург. Там отец помыслить ему поступить в Александровский лицей, но и из него Савина вскоре выгнали за непристойное поведение. Теряя деньги и терпение, отец устроил дерзкого отпрыска в конную гвардию. В чине корнета Савин вошел в круг столичной золотой молодежи.

Уже в возрасте 20 лет, в 1874 году, Савин оказался замешан в деле о краже драгоценностей из Зимнего и Мраморного дворцов. Правда, выяснилось, что их выкрад двоюродный брат Александра III для своей любовницы, но Савин намеренно подтверждал свое участие в этом деле, создавая себе имидж отчаянного удачника.

В 1886 году, перебравшись в Европу, Савин договорился о поставке русских лошадей для итальянской армии. Через некоторое время «поставщик» исчез, прихватив с собой крупную сумму денег.

С 1891 года Савин жил в США, присвоив себе графский титул и имя Николай Герасимович Тулуз-Лотрек Савин. В Штатах он умудрился получить гражданство, стать офицером американской армии и в 1898 году приехал в Испанию в составе американского экспедиционного корпуса.

В 1909 году его судили в Бельгии за многочисленные случаи мошенничества. Так, газета «Новости дня» от 22 июня 1902 года сообщала:

«Знаменитый авантюрист граф Тулуз-Лотрек арестован в Лиссабоне, когда пытался получить деньги из банка по подложному чеку».

Савина приговорили к восьми месяцам тюремного заключения.

А уже в 1911-м он, представившись великим князем Константином Николаевичем, объявил себя претендентом на болгарский трон. Правда, эта авантюра раскрылась, благодаря парикмахеру, который стриг Савина в Петербурге: он встретил «болгарского монарха» и узнал его в лицо. Савина арестовали, депортировали в Москву и приговорили к пожизненной ссылке под Иркутском.

На родине Савин не исправился, из ссылки он сбежал. В дальнейшем попадался часто, причем на мелочах. 13 августа 1911 года газета «Русское слово» писала:

«В городе Боровске арестован известный международный авантюрист, бывший корнет, Н.Г. Савин».

Российский Тулуз-Лотрек, приехав в город, остановился в гостинице. Его узнали и сообщили в полицию. Полиции Савин представил метрическую запись о рождении в селе под Боровском и паспорт, в котором местом рождения значилась Канада, якобы выданный ему как

гражданину Великобритании британским консулом в Москве. В Боровской тюрьме Савин просидел три месяца.

Существует легенда, что в 1917 году Савин был начальником караула Зимнего дворца и «продал» дворец богатому американцу, получил деньги и исчез, оставив записку: «Дураков не сеют, не жнут».

В 1918 году он объявился в Харбине, где представлялся агентом русско-японской фирмы и пытался склонить правящие круги Японии к войне против власти большевиков. Чуть позже он переехал в Шанхай, где скончался в 1937 году в нищете.

РОМАН МЕДОКС

Роман Медокс родился около 1793 года в семье театрального антрепренера Майкла (Михаила) Медокса, основателя первого общественного музыкального театра Москвы — Петровского. Театр Медокса проработал 25 лет, а потом сгорел. Позже на его месте возвели новое здание, где расположился Большой театр.

Из дома отца юношу выгнали еще подростком за распутство. К этому моменту «русский Казанов» успел получить достойное образование и поступил на военную службу, которая быстро закончилась: в 1812 году Медокс сбежал из расположения части, прихватив деньги из полковой казны.

Купив поддельные документы на фамилию Соколов и мундир поручика лейб-гвардии Кавалеристского полка, он отправился на Кавказ, где представился адъютантом министра полиции и сообщил, что прибыл по личному указу императора набирать отряд горцев для участия в войне с Наполеоном. Местная администрация, вопреки абсурдности этой идеи, поверила поддельным бумагам, а вице-губернатор выдал Медоксу на расходы десять тысяч рублей (хороша лощадь на тот момент стоила 200 рублей).

Дальнейшее пребывание Медокса на Кавказе напоминало повесть Николая Гоголя «Ревизор». Он вел разгульную светскую жизнь, контролировал приходящие из Петербурга письма, но через некоторое время о самозванце стало известно в столице. О Медоксе доложили Александрю I, и в 1813 году его аресто-

вали. В Шлиссельбургской крепости он просидел до 1827 года.

Из крепости его перевели в Вятку под полицейский надзор. Почти год Медокс сидел себе примерно, а потом сбежал из города.

Из письма министра внутренних дел Сергея Ланского:

«Государь Император узнал с удивлением, что Медокс сделал побег из Вятки, и изволил относить сие ни к кому иному, как к слабому надзору за сим преступником, и поэтому повелевал в кратчайшие сроки учинить должное взыскание с виновных».

Спустя четыре месяца Медокса поймали на Кавказе с очередным поддельным паспортом, но он снова сбежал из-под конва на этот раз в Одессу, где его все-таки арестовали и сослали в Сибирь.

В Иркутске он умудрился завоевать доверие местного городничего, устроился к его детям домашним учителем, а потом отправил на имя императора донес, в котором сообщил, что в Иркутске ссыльные под руководством городничего создали тайное общество «Союз Великого дела» и готовят заговор.

Письмо без внимания не осталось, Медокса вызвали в столицу. Расследование доказало ложность обвинений, но арестовать афериста не успели: он опять сбежал.

В очередной и последний раз его поймали спустя три месяца и снова заточили в Шлиссельбургскую крепость, где он просидел 22 года.

После смерти Николая I по приказу нового императора Александра II Медокса освободили, и спустя три года он скончался.

НИКОЛАЙ АШИНОВ

Точную биографию Николая Ашинова историкам восстановить не удалось, поскольку разным людям он рассказывал разные версии своего происхождения.

Публицист Валерian Панаев писал о нем:

«Коротко говоря, это была цельная, могучая натура, возмущавшаяся до глубины души всем неблагородным и подленьким, и сверх всего, несмотря на отсутствие образования, имел стремление и вкус ко всему изящному».

Известно, что Ашинов оконил царинцынское уездное училище и поступил в

саратовскую гимназию, откуда был исключен за плохое поведение. Современники утверждали, что он отнимал у младшеклассников деньги и завтраки.

В конце 1870-х годов имение отца Ашинова продали за долги, в собственности остался только небольшой островок на Волге. Местные приплывали туда ловить рыбу, собирались хворост и рубить дрова. Ашинов решил, что они не имеют права находиться на «его» острове, подал в суд и нанял для охраны территории двадцать дагестанских горцев, отбывавших в Царицынскую ссылку за участие в восстании в время Русско-турецкой войны 1877-1878 годов.

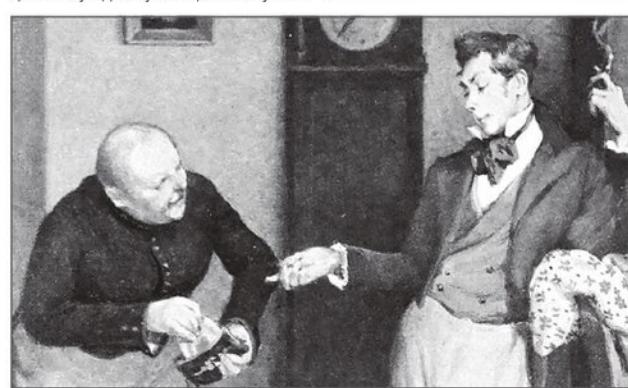
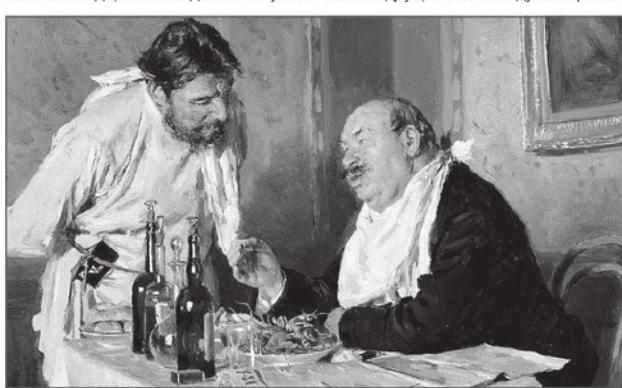
Через некоторое время Ашинов отправился в Петербург. Там, выдав себя за «вольного казака» из Измира, спасшегося из плена во время Русско-турецкой войны, он начал искать покровителя для осуществления дерзкого проекта. Ашинов предлагал основать на черноморском побережье в районе Кавказа казачье поселение. Авантюрист добивался встречи с императором Александром III и даже угрожал, что его мифические казаки уже получили выгодное предложение от Англии и вот-вот перейдут на службу в британскую армию.

Весной 1884 года Ашинов приехал в Полтавскую губернию и начал вербовать местных крестьян. Он представился атаманом формирующегося Черноморского казачьего войска и призывал записываться в казаки. Местная администрация приняла его за посланника от самого государя и оказывала ему содействие. Ашинов обещал крестьянам переход в казачье словле, свободу от податей, земельные наделы, скот и выплату в 200 рублей.

Сорок семей последовали за Ашиновым в Сухум и основали там «станицу Николаевскую». Однако через некоторое время авантюра бесславно закончилась: в станицу прибыл начальник Сухумского округа полковник Аполлон Введенский. Началось расследование, против Ашинова возбудили уголовное дело, но «атаман», не дожидаясь ареста, сбежал на корабль из Сухумского порта.

Через некоторое время он объявился в Петербурге с новым проектом. Ашинов предлагал начать завоевание Абиссинии (территория современной Эфиопии) и

«Окончание на с. 16

Окончание. Начало на с. 15

построить на побережье Красного моря военную базу Русского флота.

В начале 1888 года Ашинов действительно съездил в Африку и вернулся в столицу со страусом, которого сдал в Гатчинский царский птичник, и подарками для потенциальных покровителей. Он снова начал обивать пороги больших начальников, рассказывая о путешествиях и называя эфиопского императора «нашим дружком Царем Абиссинским».

Ашинов стал желанным гостем в салонах патриотически настроенных аристократов и сановников.

Писатель Николай Лесков вспоминал:

«...стал ходить в любые часы к министрам и настойчиво добиваться свидания с ними, поднимая при отказе шум и крик. Некоторым из них он в глаза наговорил больших дерзостей в их приемных. Одного сановника он схватил за пальто в вестибюле его казенной квартиры, и тот насилиu от него вырвался, покинув в руках его свое верхнее платье».

В конце концов, император Александр

III все-таки дал согласие на экспедицию к африканским берегам — однако неофициальную. В это время территория Абиссинии находилась под протекторатом Франции, а вступать в военный конфликт с этими странами российский император не планировал.

В декабре 1888 года Ашинов со своим «войском», которое состояло из случайно набранных в Одессе людей, тайно отправился в Африку на зафрахтованных иностранных судах. По прибытии «казаки» основали на территории брошенного египетского форта Сагалло станицу «Новая Москва».

Биограф Ашинова Андрей Луночкин писал, что французское правительство, скорее всего, воспринимало казаков как религиозную миссию, временное пре-

бывание которой на территории страны не представляло угрозы. Однако вскоре стало ясно, что освобождать территорию русские не собирались.

В январе к форту подошли три французских военных корабля. Французы потребовали спустить флаг над фортом, однако Ашинов отказался, заявив:

«Мы русские подданные и спускать флаг перед кем бы то ни было считаем унизительным».

Узнав о конфликте, Александр III был взвешен и, отписал краткую резолюцию:

«Непременно надо скорее убрать этого скота Ашинова оттуда».

Царь отказался поддерживать авантюриста.

5 февраля французская эскадра обстреляла форт. Погибли шесть человек,

и «казачье войско» было вынуждено капитулировать. Ашинова и остальных передали русской стороне.

Газета «Правительственный вестник» писала:

«Императорское правительство полагает, что не представляется основания возлагать на французские власти в Обике ответственность за произшедшее в Сагалло кровопролитие и что ответственность за это должна всецело пасть на Николая Ашинова, решившего нарушить спокойствие в пределах территории, подведомственной державе, находящейся в дружественных отношениях с Россией».

Николая Ашинова отправили в ссылку. О его последних годах ничего не известно.